

ИСТОКИ

ПУТЕШЕСТВИЕ В ПРОШЛОЕ

НЕСКАЗАННОЕ, СИНЕЕ, НЕЖНОЕ

НЕСЛУЧАЙНАЯ СЛУЧАЙНОСТЬ

— Здравствуйте, меня зовут Николай Дмитриевич Чиндяйкин!

Разве вас можно не узнать?! — подумала я, делая шаг навстречу самому знаменитому уроженцу Урень-края.

— Юлия, та самая землячка, которая очень хотела с вами встретиться, — бойко представилась я.

Мой собеседник улыбнулся. Мягко, из-под седоватых усов. И по лицу побежали весёлые лучики-морщинки. В глазах мелькнул задорный огонёк. Он протянул мне руку. Пожав её, неожиданно наклонился вперёд, пылливо заглянул в глаза... и одобрительно кивнул.

Сколько раз я видела это лицо на телеэкране. Удивительно, но с годами только растёт природная харизма актёра, как и количество сыгранных им ролей. Его называют «отцом русской мафии» за яркие, самобытные образы бандитов и криминальных авторитетов. А сколько им сыграно полковников, генералов, адмиралов, прокуроров, майоров — не перечислить. В его актёрском арсенале — врачи, банкиры, олигархи, священники... Герои Чиндяйкина — жестокие и алчные, весёлые и добродушные, мужественные и верные долгу. Даже если роль не главная, их невозможно не заметить. Секрет в той самой актёр-

● Фото на память

ской магии, которая притягивает и зрителей, и режиссёров. И вот этот человек стоит передо мной.

— Только что с поезда. Прибыли с опо-

зданием. Метель! — развёл руками Николай Дмитриевич. — Есть около часа свободного до спектакля времени, и оно всё ваше. Мы можем пройти в ресторан, там будет удобнее общаться, — резонно предложил он. Я не возражала.

Год назад я уже пыталась связаться с актёром, когда готовила материал о черновском крае. Писала письма на разные сайты, в театр, в котором он работает. Всё безуспешно. Уже и надеяться перестала, как вдруг в редакции раздался звонок от бывшей коллеги — Татьяны Алексеевны Вихаревой. Оказывается, её племянник, молодой актёр Фёдор Климов, играет с Чиндяйкиным в одном спектакле. Родители Фёдора читали мой очерк «Зов земли» и, неожиданно встретив в гримёрной Санкт-Петербургского театра знаменитого земляка, рассказали о статье про его малую родину. Николай Дмитриевич заинтересовался, и наша встреча стала возможной. Разве я могла упустить этот шанс!

В стенах феешенебельной гостиницы с роскошным интерьером в прошлом обычный деревенский мальчишка, родившийся в селе Чёрное Уренского района, а ныне народный артист России, режиссёр, педагог, актёр МХАТа Н.Д. Чиндяйкин восторженно вспоминал о самой необыкновенной, трогательной поре его жизни.

«РОДИТЬСЯ
В ТАКОМ МЕСТЕ —
ЭТО УРОК,
Я БЫ ДАЖЕ
СКАЗАЛ — ОСОБЫЙ
ДАР ЖИЗНИ!»

Да почти десять»...

И всё он так детально и в красках изобразил, что я эту картинку на лавочке у дома, как наяву, увидела. И соседок дотошных, и маму его, которая за Машку горой...

— А что касается огорода, — продолжал мой собеседник, — помню ненавистную картошку. Какого труда стоило её вырастить! Земля там была — выкорчеванный лес. Сколько корней в почве оставалось! Кстати, помидоры у нас никогда не вызревали. Ещё огурчики, да, свои были. Яблоня только цвела. Красиво! А вот в Варнаване — рукой подать — прекрасные родились яблоки. Оттуда бабушки с мешочками приходили, по 50 копеек у магазина продавали.

С тех самых пор я деревенскую науку усвоил. Знаю, как косить, пахать, картошку окучивать, за поросёнком ухаживать. На Никакого труда не боюсь. Родиться в таком месте — это урок,

я бы даже сказал — особый дар жизни, — убеждён мой знаменитый земляк.

ОТГОЛОСКИ
ПРОШЛОГО

— А вот какая замечательная фотография, — Николай Дмитриевич протянул мне снимок. Взглянув, я обомлела.

— Не может быть! Да это же Богословская церковь! Целая и невредимая. Никогда её не видела. Настоящий раритет! — без устали восклицала я.

— Да вряд ли у кого ещё сохранилось такое изображение. Здесь ещё школы нет, ещё позднее рядом построит, — уточнил Николай Дмитриевич.

Вглядываясь. До боли знакомое место. Неспешно трუსит лошадка, запряжённая в двуколку, по размытой дождём дороге в соседнее селение. Позади, на косогоре, касаясь остроконечными куполами неба, величаво

● С женой Расой фон Торна

возвышается деревянная церковь. Рядом сгрудились крепкие избы. За деревенской околлицей, недалеко от реки, мирно пасётся скот. Травы убраны, до времени стоят добротные стога. Смотришь, и тепло так на душе. Деревенка-то живая.

Я ведь была здесь совсем недавно. Стояла на этом самом месте. Не видно с дороги храма. Полвека, как обезглавлен, заброшен. Лишь сиротливо белёют берёзки, да гуляют на раздолье ветер. Под сугробами, как под гнётом, ждут последнего часа избы. Даже если в глазницах окон заиграет солнечный зайчик, он не скрасит неприглядность картины, не согреет прохожему сердце. Грустно... Правда, летом всё немножко иначе.

— Ты знаешь, а я был здесь лет 26 назад. Эта летняя поездка — что-то особое в моей жизни — страшное, лиричное, нежное. Как-то на репетиции гримёр детства. Совсем отключился от разговоров, ожив и вижу буквально весь свой посёлок. Дом за домом, отдельные деревья даже. Вспомнил по фамилиям почти всех соседей. Думаю, Боже, как же хочется съездить туда и как же страшно! Всё-таки решил, и жена моя, Раса, со мной поехала. А сестра Леночка, которая живёт в Днепроретровске, потом мне говорит: «Ой, какой ты счастливый, Коля, ты в Чёрном был! Я так не хотел её разочаровывать, старался не

показать, как тяжело мне эта поездка далась. Приехал — и никого. Практически никого из знакомых. Кто-то уехал, кто-то от воды сгорел. Говорю, как есть, кучка пьяных людей, которые скот с фермы не могут выгнать. Единственная отрада, Раса до сих пор вспоминает, — это баба Юлия Паушкина. Мы дружили с младшим — Толиком. Были не разлей вода. Чиндяйкин и Паушкин — мордва, строится по два. Приятельствовали и наши отцы. Так вот, мы вошли в её комнату и увидели кровать с подзором, эти подушки. Вылизанная чистота! Иконка, лампадка горит. И старушка сидит вся прибранная, чистюлька-чистюлька. Одна живёт, ей не для кого! Она и глухой пёс. Я это только в детстве видел, и Раса увидела. Она литовка, из такой семьи, в общем, титулованная баронесса, и мне говорит: «Какое счастье, теперь я буду знать, о чём ты рассказываешь!» А ведь это было путешествие, точно как у Распутина в «Последнем сроке». Оно было такое, как у этой бабушки, а вот пьянство и бездуховность были нонсенсом. А теперь наоборот. Баба Юлия с нами поделилась: «Я к ним не хожу, я ж не выпиваю». Она была у них, как за городом, отравля. А они нормальные! — с нескрываемой болью в голосе произнёс Николай Дмитриевич.

— Девяностые годы. Всё, что могло, к этому времени закрылось и развалилось. Работы

никакой. Чтобы выжить, люди уезжали. Остались единицы, — попыталась я объяснить. — Сейчас в деревне всего несколько жилых домов. А рядом, в посёлке Лесозавода, постоянно проживают даже две семьи с маленькими детьми, не от безысходности, а по велению души. Удивительно живописное это место, вы, конечно, помните. Летом и вовсе все черновская округа оживает благодаря верным дачникам. Приезжайте к нам снова, в августе. В первых числах месяца в городе — большой, по-настоящему народный праздник — Уренская ярмарка.

Прошло уже много лет, и я уже не собирался, а сейчас, в связи с нашей встречей и этими разговорами, я думаю: «Ну, может, съезжу?!» Всё равно речка, какая бы она ни была, там есть. Я даже иногда в интернете карту отроку, посмотрю: вот Минеевка, тут дорога. Даже как-то недавно смотрел. Читаю название, думаю, кроме меня его никто не помнит: Липатровка! Это была речка. Она была вот так: с фермы не могут выгнать. Чистая! Невероятно. Туда мама ходила иногда белё поласкать. Быстротечная такая. У нас она и за речку-то не считалась. И вот стоишь с мамой, она полощет. А речка лесная-лесная. И вдруг — раз, откуда ни возьмись выдра: «Уф-уф-ффф», — и след её простыл... Я увидел и обалдел, что название сохранилось. Слово-то какое — Липатровка! И, думаю, где-то там следы Липатровки есть и всего моего босонного детства.

Мой земляк вдруг замолчал. Глаза его задумчиво устремились куда-то вдаль. В этом самый момент я поймала себя на мысли, что больше не записываю в блокнот открытия своего героя, потому что мне мало слушать. Это хочется видеть! Как ностальгически, краешком губ он улыбается, восхищается, широко раскинув руки, в недоумении пожимает плечами, печально хмурится или в голос смеётся. Как теплёт его взгляд, когда речь заходит о близких. Мне несказанно повезло, что передо мной не просто человек, которого глубоко трогает тема беседы, какое это удовольствие — беседовать с настоящим артистом!

Окончание на 8-й стр.

ВСТРЕЧА

СУДЬБЫ
ПРИЧУДЛИВЫЕ НИТИ

— Юлия, ты мне вот что скажи, ты какое отношение имеешь к Чёрному? — взяв инициативу в свои руки, спросил меня Николай Дмитриевич.

— Моё детство прошло рядом, в Минеевке. Но у нашей семьи черновские корни. Может быть, помните Петра Яковлевича Меркулова? Это мой прадед, фронтовик, награждён медалью «За боевые заслуги» и орденом Красного Знамени, — не без гордости сказала я.

— Меркуловы — фамилия в Чёрном известная, уважаемая. Кажется, моя сестра Леночка с кем-то из вашей семьи училась. Спрошу у неё...

— Николай Дмитриевич, я с собой фотографии захватила. Их сделал Иван Парфёнович Рехалов, он работал электромонтёром в исправительно-трудовом лагере. Снимки начала пятидесятых годов передала мне его дочь Вера Ивановна Казакова. Может быть, вы кого-нибудь узнаете? Я не раз разглядывала эти чуть пожелтевшие, со стёртыми уголками фото. Удивительно, но люди на них, как живые. Кажется, что они застыли на мгновение и сейчас пойдут по своим делам — на сенокос, в огород, на рыбалку или продолжат весёлые застолье песнями и плясками под гармонь...

Я бережно протянула фотографии. — Да-да, узнаю родные места. У меня похожие снимки есть. Помнишь, я присылал тебе наш домик? Знакомые пейзажи. Речка Чёрная. А вот эту женщину я определённо видел. В профиль не узнал, а в этом ракурсе вспомнил, — живо комментировал он снимки.

— А вот этот мужчина в форме, случайно, не начальник лагеря Василий Александрович Потапов? — привлекла я его внимание к групповому фото за столом.

— Ну-ка, дай посмотреть. Как же, Потапов — местный бог и царь, начальник всего-всего! Я его очень хорошо помню. Честно сказать, тот ещё дурачился. Детишки его, как огня, боялись, нравилось ему малышня пугать. Была у него любимая

забава: сядет на берегу, мальчишкам велит бутылки в речку бросать и палит по стеклышкам из ружья... Да нет, не он это на снимке, — чуть разочарованно отметил мой собеседник. — Говорят, что судьба Потапова сложилась трагически, — добавила я, желая развить эту тему. — Хотя спустя столько лет очень сложно судить о достоверности этой информации. Жена Потапова — Мария Васильевна — возглавляла медслужбу зоны. Очень похоже на то, что именно она спасла от неминуемой смерти уренского поэта Константина Мартовского, попавшего в лагерь по ложному доносу, великодушно предложив ему работу в санчасти. Супруги потеряли одну из дочерей, она умерла в раннем возрасте и похоронена в Чёрной. После переезда в Горький Потаповы развелись. Вторая жена Василия Александровича была значительно его моложе. Она родила ему сына. По неизвестным причинам мужчина застрелился. Молодая вдова отказалась от ребёнка, воспитывала его бывшая супруга — Мария Васильевна. Говорящие поступки, незаурядные судьбы. История ваших родителей, Николай Дмитриевич, не менее захватывающая. А в наши дни она и вовсе кажется героической.

— Что ты, нельзя даже сравнивать! Это разные эпохи, разные миры, планы! Эти люди пережили тако! Войну, голод, разруху, смерть близких. Они знали цену всему! Всеми! Осенью 1941 года отец попал в фашистский плен. Свою судьбу он встретил в Бресте. Вместе с военнопленными фашисты выгоняли на работы местное население. Красавица Стефанида покорила его сердце. Но влюблённым пришлось расстаться, так как отца отправили в Германию. Он тогда понятия не имел, что она в положении. После войны, не получив долгожданную свободу, как большинство военнопленных, он оказался в советском лагере на лесоповале рядом с селом Чёрное. Но не забыл свою любовь, писал письма в надежде найти Стефу. И чудо произошло. Вместе с дочкой Леночкой она приехала к нему в лагерь. А через год на свет появился я.

● Река Чёрная

УРОКИ ЖИЗНИ

— Вот как раз на этом снимке очень хорошо видно вышки, около трёх метров, лагерный часток с колючей проволокой в несколько рядов. Рядом безмятежно играет ребёнок лет четырёх-пяти, его даже не сразу разглядишь — до чего он крохотный по сравнению со всем, что его окружает. А на первом плане — груды пиломатериала и гигантский железный станок. Не было ощущения, что вы живёте в каком-то страшном месте? — спросила я.

— Нет. Это было нормой моей детской жизни. На улице я часто встречал бесконвойных. В фуфаячках без пуговиц, с наколочками на руках. И обитатели зоны казались мне обычными людьми. Когда их вывозили из лагеря в сопровождении вооружённой охраны, я бежал за машиной и махал им рукой. Надеюсь, что какой-нибудь дяденька вырежет лошадку из дерева и бросит её мне. До сих пор храню картину, она висит в моём доме в Тарусе, которую по просьбе отца для меня нарисовал какой-то зек. Кстати, все солдаты в лагере были узбеки или таджики, что бы общий язык с заключёнными

было сложнее найти. Но ведь находили же! Все же люди! Представляешь, Дедом Морозом — несколько раз по-вторил Николай Дмитриевич и задорно так рассмеялся. — А это уже возле нашего дома, прямо в палисаднике, — он протянул мне другой снимок. — У нас у единственных палисадник был. И 1 сентября к маме все приходили и проносили: «Стефа, цветочков дай!»

— У вас, конечно, и огород, и живность были, — предположила я. — А как же! И коза была, и свиньи, и корова. Вот сейчас говорю: собака — член семьи. А кем была для нас корова Машка? Кормилицей! Она не достаточно много давала молока, литров пять, но мы с сестрой замечали, что в разговоре с подружками мама всегда завывала её надрывом. Не хотела Машку обижать. На все расспросы отвечала: «Доит немного, но нам хватает». Ну сколько-сколько!

СПРАВКА

- Н.Д. Чиндяйкин родился 8 марта 1947 года.
- В 1959 году семья актёра переехала на Украину, в город Ворошиловск (Львовск). В 1964 году Николай поступает в Ростовское училище искусств, после окончания которого в 1968 году работает сначала в Ростовском ТЮЗе, а затем в Омском театре драмы. После окончания в 1987 году режиссёрского факультета ГИТИСа начинает работать режиссёром, актёром и педагогом в «Школе драматического искусства» Анатолия Васильева.
- С 1989 года начинает сниматься в кино и в телесериалах.
- В 1987 году был удостоен приза журнала «Театральная жизнь» за лучшую постановку сезона, а в 1997 году удостоен Национальной театральной премии «Золотая маска».
- С 1996 года преподаёт в Российской академии театрально-го искусства.
- С 2008 года — актёр МХТа им. Чехова.